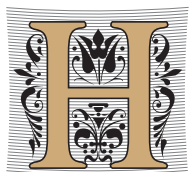

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ СМЫШЛЯЕВ (30.01.1951—24.04.2019)

Н е стало Александра Леонидовича Смышляева, старшего научного сотрудника Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, ведущего научного сотрудника Института истории и теории мировой культуры при МГУ имени М. В. Ломоносова, члена редколлегии журналов «Вестник древней истории (ВДИ)» и «IUS ANTIQUUM. Древнее право»¹. К этим должностям «Исторический вестник» с особой гордостью добавляет факты членства Александра Леонидовича в Редакционном совете журнала, а также его руководства составлением девятнадцатого тома, посвященного политической организации Римской империи, ставшего одним из наиболее удачных выпусков такого рода².

¹ Общую информацию об А.Л. Смышляеве, а также список его основных научных трудов см.: Смышляев Александр Леонидович (30.01.1951—24.04.2019) // URL: <http://ancientrome.ru/site/smyshlyaev.htm> (дата обращения: 02.06.2019).

² Исторический вестник. 2017. Т. 19: Рим: Dominatio Civilis. М., 2017. Полный список трудов А.Л. Смышляева и его Curriculum Vitae см.: <http://ancientrome.ru/site/smyshlyaev.htm> (дата обращения: 31.05.2019).

Ушел из жизни признанный специалист по истории Древнего Рима, который оставил глубокий след, главным образом, в изучении истории римской администрации³ (прежде всего, провинциального управления⁴)

³ См., напр.: *Смышляев А.А.* Об эволюции канцелярского персонала Римской империи в III в. н. э. // ВДИ. 1979. № 3. С. 60–81; *Он же.* Всадники во главе ведомств императорской канцелярии во II — начале III в. н. э. // ВДИ. 1981. № 2. С. 91–108; *Он же.* Античная гражданская община: отсутствие или особый тип государственности? // ВДИ. 1989. № 3. С. 99–101; *Он же.* «Речь Мецената» (Dio Cass. LII. 14–40): проблемы интерпретации // ВДИ. 1990. № 1. С. 54–66; *Он же.* Государство без бюрократии (на опыте Ранней Римской империи) / Античность и современность. М., 1991. С. 37–40; *Он же.* Римская императорская власть эпохи принципата в современной зарубежной историографии (аналитический обзор) // РЖ ИНИОН АН СССР. Актуальные проблемы правоведения. Вып. 5. М., 1991. С. 67–78; *Он же.* Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара) // ВДИ. 2003. № 3. С. 46–60; *Он же.* Проблема «римской демократии» в современной зарубежной историографии (в соавторстве с Е.А. Одеговой) / Академклуб. Исторические науки. Вып. 2. Античная история и классическая археология / Отв. ред. В.В. Дементьева. М., 2006. С. 64–78 и др.

⁴ См., напр.: Домиций Ульпиан. Об обязанностях проконсула (сохранившиеся фрагменты по *Palingenesia iuris civilis* О. Ленеля) / Пер., вступ. ст. и прим. А.А. Смышляева // ВДИ. 1985. № 4. С. 221–233; ВДИ. 1986. № 1. С. 194–216; *Смышляев А.А.* Вступ-

и римского права (главным образом, процессуального)⁵. Большая часть сознательной жизни Александра Леонидовича была связана с Московским университетом. Там преподавал его отец, юрист по специальности, среди прочего, положивший начало замечательной домашней библиотеке по истории и праву, которая впоследствии была расширена трудами самого Александра Леонидовича и которой довелось воспользоваться и авторам этой статьи. Там же, в Главном здании МГУ, в корпусе, построенном специально для преподавателей и их семей, Смышляев прожил

пление наместника в провинциальный город (церемония *adventus* по Ульпиану) // ВДИ. 1991. № 4. С. 106—117 (Переиздано в книге «Древние цивилизации. Древний Рим. Избранные статьи из журнала “Вестник древней истории”». 1937—1997. М., 1997. С. 703—713); *Он же*. Трактаты римских юристов «Об обязанностях наместника провинции» // IUS ANTIQUUM. Древнее право. 1997. № 1(2). С. 65—73; *Он же*. *Civilis dominatio*: Римский наместник в провинциальном городе // ВДИ. 1997. № 3. С. 24—35; *Он же*. Римский наместник как магистрат (к вопросу об особенностях римской государственности в эпоху ранней Империи) // Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности). М., 1998. С. 282—295; *Он же*. Римский наместник в провинциальном городе: *otium post negotium* // ВДИ. 1999. № 4. С. 59—70; *Он же*. Няня-кормилица в суде римского наместника // ВДИ. 2001 № 3. С. 36—58 (Переиздано с незначительными дополнениями: *La pourrice au tribunal du gouverneur romain* // Cahiers Glotz. XIII. 2003. С. 113—139); *Он же*. Римский наместник в провинциальном городе: стиль управления в эпоху Принципата // IUS ANTIQUUM. Древнее право. 2006. № 1 (17). С. 65—77; *Он же*. Август в представлении римских юристов: предварительные итоги // В тени Мнемозины: коммеморативные практики в обществах прошлого. Сборник научных трудов / Под ред. А.Н. Маслова, А.В. Махлаюка. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. С. 146—159 и др.

⁵ Смышляев А.А. Римские правовые трактаты-инструкции «Об обязанностях наместника» и трактаты-монографии в *Libri terribiles*/Дигесты Юстиниана / Под ред. Л.А. Кофанова. Т. 8. М., 2006. С. 170—180; *Он же*. «De cognitionibus» Каллистрата: адресат и жанровая принадлежность (к вопросу о жанровых особенностях трактатов северовских юристов по публичному праву) // Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права. Материалы заседаний IV Международной конференции. Москва — Иваново — Суздаль, 25—30 июня 2006 г. / Отв. ред. Д.И. Польшинский. Иваново, 2006. С. 47—53; *Trattati monografici giuridici nei Digesta giustiniane*/Problemi della traduzione dei Digesta giustiniane nelle lingue europee. Atti del seminario internazionale di diritto romano. Caserta 13—14 giugno 2005. A cura di L. Minieri — O. Sacchi. Napoli: Jovene Editore, 2007. Р. 107—116; *Он же*. Понятия римского права и научной этики в работе Д.О. Тузова. Письмо в редакцию // ZESZYTY PRAWNICZE. 8. 1. Warszawa, 2008. S. 339—353; *Он же*. «Добрые нравы» и «суровые законы» в римском суде // IUS ANTIQUUM. Древнее право. 2008. 2(22). С. 76—96; *Он же*. Суд наш есть дело чести, есть дело подвига и дело славы (судебный поединок как дело чести в Древнем Риме) // Юридические записки. 2011. № 1 (24). С. 25—31; *Он же*. *Argumentum ad hominem* в римском суде/MONUMENTUM GREGORIANUM. Сборник научных статей памяти академика Григория Максимовича Бонгард-Левина / Отв. ред. А.И. Иванчик. М., 2013. С. 403—412; *Он же*. Еще раз о *responsa* римских юристов и *disputatio fori* // ВДИ. 2014. № 4. С. 110—129 и др.

большую часть своей жизни. Там он учился в 1968–1973 гг., а затем, окончив курс исторического факультета по кафедре истории Древнего мира, еще три года провел в аспирантуре и подготовил диссертацию «Имперская бюрократия при первых Северах», которая была успешно защищена в 1977 г.

В те годы, ставшие временем становления Александра Леонидовича как исследователя, он — раз и на всю свою жизнь — определился с научными интересами, выбрав историю Древнего Рима и эпоху Северов (на которую приходится правление императоров от Септимия Севера (193–211) до Александра Севера (222–235)) как конкретный этап этой истории. Риму времен Северов Александр Леонидович посвятил уже свою дипломную работу о военных реформах Септимия Севера, которая была написана под научным руководством видного отечественного специалиста по истории Рима Василия Ивановича Кузищина (1930–2013), заведовавшего кафедрой истории Древнего мира с 1973 по 2009 г. Впоследствии он писал о том же периоде в своей кандидатской диссертации, отдельные положения которой на протяжении всей своей жизни Смышляев развивал в отдельных исследованиях — статьях, переводах, рецензиях.

Эпоха Северов интересовала Александра Леонидовича не только как канун великих потрясений, которые у нас принято называть «кризисом III века», предопределенного, как мы сейчас понимаем, последствиями издания эдикта Каракаллы 212 г., предоставившего римское гражданство всем свободным провинциалам. Специалисты хорошо знают, что именно на это время приходится деятельность четырех из пяти наиболее выдающихся римских юристов — Эмилия Папиниана (ок. 150–212), Юлия Павла (первая половина III в.), Домиция Ульпиана (ок. 170–228), Геренния Модестина (первая половина III в.), которые (наряду с Гаем, жившим во II в.) были признаны основными авторитетами «Законом о цитировании» (426 г.). Именно на творчество римских юристов обратил внимание Александр Леонидович (вероятно, не без влияния своего отца); всю свою научную жизнь он работал над изучением и переводами их сочинений⁶; эти же тексты стали и

⁶ См., напр.: Домиций Ульпиан. Об обязанностях проконсула...; Трактаты римских юристов «Об обязанностях наместника провинции»... и др. В русском переводе Дигест Юстиниана, осуществленном под руководством Л.А. Кофанова, именно Л.А. Смышляев перевел большую часть разделов, посвященных публичному праву. См.: Дигесты Юстиниана. *Digesta Iustiniani* / Отв. ред. Л.А. Кофанов / В 8 т. М.: Статут, 2001–2006.

главным источником для его работ, посвященных истории Римского государства и права.

О научном творчестве Александра Леонидовича мы еще поговорим ниже. Сейчас же хочется обратить внимание на другую сторону его биографии, вне всякого сомнения, игравшую для него самого еще более важную роль, чем занятия наукой. Речь идет об университетском преподавании, которому Александр Леонидович отдал без малого два десятка лет: за период 1977–1995 гг. он прошел путь от начинающего преподавателя до доцента кафедры истории Древнего мира. В этот период он разработал и прочитал общие курсы по истории Древней Греции и Древнего Рима на вечернем отделении Исторического и дневном отделении Философского факультетов МГУ, а также по истории Древнего Рима (на дневном отделении Исторического факультета МГУ); его практические занятия по этому курсу стали, вероятно, наивысшим достижением Смышляева-преподавателя. Наконец, на кафедре истории Древнего мира он много лет читал спецкурсы («Римское право для историков», «Жизнь римской провинции по Дигестам Юстиниана») и вел спецсеминары («Быт и нравы Древнего Рима», «Латинская эпиграфика»).

Именно курс по истории Древнего Рима лег в основу учебника римской истории, задуманного А.Л. Смышляевым уже в 2000-х гг. Первая его часть вышла в издательстве «Университет Дмитрия Пожарского» в 2007 г.⁷ Она же, увы, оказалась единственной. Причины этого, будь то непонимание между автором и издательством, чрезмерная нагрузка А.Л. в последние годы или еще что-либо, сейчас уже не важны. Важным оказывается то, что, наверное, лучший из имеющихся на русском языке учебных курсов по римской истории остался незавершенным. Впрочем, даже в том виде, в котором он есть, этот учебник достоин самого пристального внимания.

Начать надо с того, что перед нами не просто учебник по истории Древнего Рима, но курс истории Римской империи, и воспринимать его следует именно так, несмотря на то, что в вышедшей части нет практически ни слова ни об одном из императоров. В самом начале первой лекции («Всемирно-историческое значение римской цивилизации. Римское чудо») А.Л. Смышляев пишет о том, что «великую Римскую империю было бы справедливо называть римским чудом»⁸. И несколькими стро-

⁷ Смышляев А.Л. История Древнего Рима от Ромула до Гракхов. М.: УДП, 2007.

⁸ Там же. С. 5.

ками ниже он вновь возвращается к этому тезису, ставя ряд вопросов: «В чем же секрет столь удивительной прочности и долговечности Римской империи? И почему после гибели своей она оставила по себе столь долгую благодарную память даже у некогда покоренных ею народов? Чем объясняется римское чудо?»⁹

На протяжении последующих семи лекций А.Л. Смышляев разворачивает панораму истории Рима, от легенды о его основании 21 апреля 753 г. до н.э. и до победы над Карфагеном в Третьей Пунической войне и разрушения Римом Коринфа в 146 г. до н.э. Описания природы сменяются рассказом о военных действиях, они, в свою очередь, плавно переходят в анализ социальных перемен, а от них — к сопутствовавшим им законодательным инициативам. Шаг за шагом А.Л. Смышляев показывает, как стала возможна Римская империя, из чего она складывалась и откуда вырастала. При этом у него получился настоящий курс лекций — любой человек, хоть раз слушавший лекции А.Л. вживую, читая «Историю Древнего Рима», почти слышит его голос, читающий неторопливо, но без затяжек и лишних отступлений.

Продолжая разговор о Смышляеве-преподавателе, заметим: все, кому довелось учиться у Смышляева, вспоминают это время в числе лучших периодов своей жизни. Главное, чему учил Александр Леонидович, — это умение работать с источниками, извлекать из них максимальный объем информации и корректно ее интерпретировать. Не меньшее внимание уделялось также созданию готового текста. Здесь он достиг особых высот. Именно его примером и советом руководствовался один из нас, когда разработал специальную методичку по написанию студенческих докладов и курсовых работ. Александр Леонидович подробно объяснил, как и почему это следует сделать: студенты 1990–2000-х гг. не в лучшую сторону отличались от своих предшественников позднесоветского времени; для того чтобы достичь нужного уровня в работе с ними, требовалось гораздо больше внимания и усилий преподавателя, в том числе — и в смысле создания особых учебных пособий. Советы, полученные от Александра Леонидовича в прежние времена, помогают и сейчас в решении многих дидактических проблем. И остается лишь сожалеть, что ни одному из авторов этого текста не довелось пройти блестящей «смышляевской» школы.

Все знавшие Александра Леонидовича подчеркивают, что он не терпел халтуры ни в большом, ни в малом, учил тщательно отделять,

⁹ Там же. С. 7.

шлифовать работы до того момента, пока концептуальные построения не обретали необходимую стройность и надежную аргументацию. Впоследствии, когда его основной деятельностью стала редакция научных статей, это же качество было в полной мере оценено коллегами также и с этой стороны. Оба автора этих строк знают об этом не понаслышке: именно Александр Леонидович в разное время рекомендовал наши тексты в «Вестник древней истории», именно ему мы обязаны не только самим фактом своих публикаций там, но и (в немалой степени) качеством своих текстов, ставшим результатом общих трудов.

При этом своих студентов и коллег Александр Леонидович привлекал не только фундаментальностью своих знаний и научной тщательностью. В не меньшей степени обращали на себя внимание его человеческие качества — врожденная интеллигентность, тонкое чувство юмора, хлебосольность и открытость, умение жить и радоваться жизни. Рожденный в семье высокопоставленного университетского чиновника, Смышляев тем не менее (а может быть — именно в силу этого факта) обладал стойким иммунитетом против карьеризма. Его не привлекала карьера — ни бюрократическая, ни научная, ни любая другая. Он был чужд стремления помыкать другими людьми — того, что обыденная философия выдвигает ныне в качестве главной цели человеческой жизни, ради которой стяжают богатства и во имя которой, срывая ногти, лезут на вершину бюрократической пирамиды. При этом Александр Леонидович вовсе не был бессребреником: он всегда четко знал, сколько именно и чего ему нужно — не меньше, но и не больше. Он любил хорошую еду и алкоголь, приятную и (обязательно!) умную и утонченную беседу, а еще любил и хорошо знал русскую поэзию, обладая при этом редким чувством такта и умением не давить на окружающих своей эрудицией.

Александр Леонидович был гостеприимным и хлебосольным хозяином. Один из авторов этих строк не раз и не два сидел с ним в его квартире в ГЗ МГУ, за накрытым столом (иногда это был чай с тортом и рюмкой коньяку, иногда его коронная жареная картошка с луком, к которой полагалась всегда бывшая у него граппа). Эти неспешные вечера, наполненные не только вкусной едой, но и неторопливой беседой на самые разные темы, бережно хранятся в памяти. В ходе таких встреч мы обсуждали статьи, уже находящиеся в работе, или замыслы новых исследований, говорили о нашей общей любви — о путешествиях, обменивались впечатлениями от недавних поездок. Иногда, увы, не очень часто, Александр Леонидович рассказывал что-то из своих воспоминаний, из тех лет, когда

он только начинал работать в МГУ. Он был превосходным рассказчиком, умел оживить прошедшее время, воскресить для сидящих за столом давно ушедших от нас людей.

Несколько раз мы были вместе в различных поездках. В Риме, где мы оказались проездом на конференцию в Казерту, получилась чудесная ночная прогулка, в ходе которой Александр Леонидович вместе с Михаилом Вадимовичем Бибиковым рассказывали нам, тогда еще молодым, начинающим, истории древности, о том, как протекала жизнь Римского форума. После этого была небольшая, но чудесная поездка в Мадрид, в компании Александра Леонидовича, Дмитрия Вадимовича Дождева и его жены. И наконец, еще пару лет спустя один из авторов этих строк вместе с А.А. поехал в Севилью. Прогулки по городу, поездки в Гранаду, Кордову и древнюю Италику, снова Севилья, — и все это время разговоры о Римской империи, о присоединении Испании к Риму, о Пунических войнах... Две недели счастья, которым мы с Александром Леонидовичем оказались обязаны друг другу.

Он был ограничен во всем, в том числе — в своей способности к тонкой иронии, не унижающей собеседника, но способствующей взаимопониманию. Он ценил внимание других и желал быть уважаемым — но лишь теми, кого уважал сам. Он был харизматичен, и эта его как бы совсем «непрофессиональная» черта имела прямое отношение к его профессии — и как преподавателя, и как исследователя: именно она привлекала людей — слушателей и читателей — и помогала доступно объяснять самое сложное. Когда он ушел из Московского университета — пусть даже не навсегда (в 1997–2006 гг. он в качестве почасовика преподавал в Институте стран Азии и Африки) и не до конца (с 2003 г. и до конца жизни он сотрудничал с Институтом мировой культуры) — потеряли и он, и Московский университет. Впрочем, приобрели другие места, где он преподавал после 1995 г. — Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Еврейский университет в Москве, но прежде всего — Институт истории, политологии и права РГГУ, где в 1997 г. ему удалось организовать специализацию по истории Рима и римскому праву. Оксфордскому университету эта (увы, весьма скоро закрытая) специализация дала Георгия Максимовича Кантора, а Московскому — Андрея Михайловича Ширвиндта, и до сих пор они, прямые ученики А.А. Смышляева, в числе лучших.

В свою очередь, Смышляев-исследователь многим обязан Смышляеву-преподавателю. Человеческая харизма и знание людей, умение говорить с ними ясно, четко и по существу — все эти качества в полной мере

отразила научная манера Александра Леонидовича. Они проявились и в отборе сюжетов (всегда наиболее существенных, значимых в контексте учебных курсов), и в стройности концептуальных построений (которые преподаватель априори рассчитывает на понимание студентов) и, наконец, в манере изложения, способности из множества фактов отобрать не только самые веские, но и самые впечатляющие, воздействующие не только на сознание, но и на воображение.

Такова, например, работа, посвященная *adventus* — ритуалу торжественного вступления наместника в провинциальный город¹⁰. Шаг за шагом разбирая отдельные элементы церемонии, он закономерно подводит читателя к своему главному выводу: «Вероятно, в торжественных процедурах, связанных с прибытием правителя, следует видеть не только церемониал и не только метод восприятия и осмысления участниками торжеств этого события, но также и способ своеобразного преобразования действительности. Вступавший в город наместник (или император) в итоге этой церемонии превращался в сознании его жителей из представителя и воплощения высшей и внешней по отношению к ним власти в полномочного представителя гражданского коллектива — в верховного магистрата полиса, получившего от сограждан свою власть, чтобы использовать ее для их блага. Таким образом, церемония “прибытия” и связанные с ней процедуры освящали и узаконивали власть правителя в соответствии с полисными традициями»¹¹.

Собственно, в таком понимании «полисных традиций» появляется не только вывод отдельно взятой статьи, но и одна из ключевых идей Александра Леонидовича применительно к характеристике государственного строя Рима эпохи Империи. Он был уверен (и сохранил эту уверенность до конца своих дней) в том, что, вопреки существующим представлениям, Рим сохранял ключевые черты полисного политического устройства вплоть до конца своей истории (в значительной степени, распространяя это представление и на эпоху Поздней Империи). Уже на рубеже 1980–1990-х гг., в период участия в дискуссии об особенностях римской модели политогенеза¹², связанной с появлением статьи Е.М. Штаерман, утверждавшей об отсутствии классовой диффе-

¹⁰ Смышляев А.А. Вступление наместника в провинциальный город (церемония *adventus* по Ульпиану) // Древние цивилизации. Древний Рим. Избранные статьи из журнала «Вестник древней истории». 1937–1997. М., 1997. С. 703–713.

¹¹ Там же. С. 713.

¹² Смышляев А.А. Античная гражданская община: отсутствие или особый тип государственности?..

ренциации (в ее марксистском понимании) и государственного аппарата вплоть до начала эпохи Империи (а в Древней Греции — вплоть до возникновения эллинистических монархий)¹³, Смышляев, осторожно согласившись с главным выводом Елены Михайловны, вместе с тем посчитал нужным оговориться: «Е.М. Штаерман справедливо отмечает, что нельзя говорить о существовании государственности, исходя лишь из наличия в обществе монеты, письменности и права. Однако если монета представляет собой основную меру стоимости, главное средство обращения и платежа, если письменность служит для создания произведений литературы с отчетливым авторским началом, а наряду с правом существует и правовая наука, то это предполагает такую степень выделения индивида из коллектива и дифференциации экономической и социальной жизни, что общество этого типа вряд ли можно признать догосударственным»¹⁴.

Ключевую для себя мысль о том, что Римское государство являлось, с одной стороны, непреложным фактом (по меньшей мере, начиная с эпохи Империи), но вместе с тем принципиально отличалось от современного, он проводил едва ли не во всех своих работах¹⁵. Тем не менее в наиболее зрелой форме эта мысль проявилась именно в статье, помещен-

¹³ Штаерман Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. 1989. №2. С. 76–94.

¹⁴ Смышляев А.А. Античная гражданская община: отсутствие или особый тип государственности?.. С. 99–100.

¹⁵ Назовем лишь главные из них: Смышляев А.А. «Речь Мецената» (Dio Cass. LII. 14–40): проблемы интерпретации // ВДИ. 1990. № 1. С. 54–66; Он же. Государство без бюрократии (на опыте Ранней Римской империи) // Античность и современность: докл. конф. [г. Москва, 30 окт. — 2 нояб. 1989 г.] / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории, Всесоюз. Ассоц. Антиковедов [отв. ред. Е.С. Голубцова]. М.: [б. и.], 1991. С. 37–40; Он же. Римская императорская власть эпохи принципата в современной зарубежной историографии (аналитический обзор) // РЖ ИНИОН АН СССР. Актуальные проблемы правоведения. Вып. 5. М., 1991. С. 67–78. [Электронный ресурс] <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1454362669> (дата обращения: 02.06.2019); Он же. Вступление наместника в провинциальный город (церемония *adventus* по Ульпиану) // ВДИ. 1991. № 4. С. 106–117; Он же. *Civilis dominatio*: Римский наместник в провинциальном городе // ВДИ. 1997. № 3. С. 24–35; Он же. Римский наместник как магистрат (к вопросу об особенностях римской государственности в эпоху Ранней Империи) // Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности). М., 1998. С. 282–295; Он же. Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара) // ВДИ. 2003. № 3. С. 46–60; Смышляев А.А., Одегова Е.А. Проблема «римской демократии» в современной зарубежной историографии // Академклуб. Исторические науки. Вып. 2. Античная история и классическая археология / Отв. ред. В.В. Дементьева. М., 2006. С. 64–78.

ной в «Историческом вестнике» в 2017 г.¹⁶ Александр Леонидович полагал, что Римское государство сохраняло полисную основу, «правление по-граждански», на протяжении не только республиканского, но и имперского периода (вплоть до эпохи домината, да и то с существенными оговорками).

С одной стороны, римское общество эпохи Поздней Республики и Ранней Империи по основным характеристикам невозможно сравнить с социумами догосударственной эпохи, со свойственными им отсутствием (или присутствием лишь в зачаточной степени) письменности, права, денежного обращения и ряда других основополагающих социальных институтов. С другой стороны, даже императорский Рим практически не знал бюрократии в современном понимании этого слова (она была относительно немногочисленна и не знала профессиональной специализации), основные властные полномочия реализовывались на уровне самоуправляющихся общин полисного типа, составлявших фундамент организации общества и власти, стоявшие на вершине властной вертикали императоры и наместники провинций не столько распоряжались учреждениями полисного типа, сколько стремились подстроиться к их деятельности, ориентируясь на систему ценностей, в полной мере сохранившую свои республиканские основы¹⁷.

Один из нас разделяет подобную точку зрения (которая известна ему, в том числе, из личных бесед с Александром Леонидовичем в конце 1990-х — начале 2000-х гг.), другой предпочитает позицию, утвердившуюся в русле современной «истории понятий»¹⁸. Однако ни один из нас не ставит под сомнение ключевую, системообразующую роль тех явлений, на которые обращал внимание А.Л. Смышляев; речь идет лишь о вариантах интерпретации связанных с ними характеристик. В частности, мы имеем в виду характер власти наместника провинции,

¹⁶ Смышляев А.Л. «Правление по-граждански» в представлении греческих писателей и в практике римской власти // Исторический вестник. Т. 19. Рим: *dominatio civilis* / Под общ. ред. А.Л. Смышляева. М., 2017. С. 10–49.

¹⁷ Там же. С. 17–19.

¹⁸ См., напр.: Понятие государства в четырех языках / Под ред. О. Хархордина. М., СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний Сад, 2002; Штарк Р. *Res publica* // *Res publica: история понятия: сб. статей*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 8–66; Дрекслер Х. *Res publica* // Там же. С. 67–170; Шюрбаум В. Цицерон: *De re publica* // Там же. С. 171–278; Скиннер К. *Свобода до либерализма*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. С. 15–56; Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. М.: НАО, 2010. С. 31 и др.

в статусе которого (как, кстати, и в статусе императора) А.А. Смышляевым подчеркивались элементы, сближающие его не с бюрократами современного типа, а с магистратами античной эпохи, что явствует не только из содержания правовых норм, регламентировавших деятельность этой категории должностных лиц, но и из свойственных им форм публичного поведения (например, см. выше сказанное о церемонии *adventus*). Конечно, такое политическое объединение невозможно поставить в один ряд с государственными структурами Нового и Новейшего времени.

Александр Леонидович и сам был словно оттуда, из Древнего Рима. Когда он читал доклады или просто рассказывал о римской истории в частной беседе, в его облике ясно проступало что-то патрицианское. И сейчас, когда нам, оставшимся здесь, остается только вспоминать, перебирая образы прошлого, подобно драгоценным камням в сундуке, в памяти остается образ последнего римлянина, пережившего свою империю. Прощайте, коллега, друг и учитель, прощайте, и — до встречи.

О.В. Аулов (ШАГИ ИОН РАНХиГС)

А.В. Мареи (НИУ ВШЭ)

* * *

Post Scriptum

Ниже, в качестве приложения к нашему тексту, приводим краткие воспоминания двух людей: одного из самых близких друзей Александра Леонидовича — Алексея Алексеевича Вигасина, доктора исторических наук, профессора, ведущего научного сотрудника Кафедры истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова и одного из учеников А.А., а сейчас — доцента Оксфордского университета доктора Георгия Максимовича Кантора.